

УДК 7.04

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-7-211-224

Сарматская богиня с двумя лошадьми

Сергей А. Яценко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, sergey_yatsenko@mail.ru*

Аннотация. Золотая рукоять раннесарматского зеркала из Майеровского III в Заволжье имеет изображение богини и двух лошадей. Анализируются детали иконографии этого персонажа и сопровождающих животных, их аналоги в скифское и сарматское время. Функционально близки ей скифская Змееногая богиня и юэчжийская богиня на головном уборе в могиле З Тилля-тепе. Аналогами этого персонажа в недавнее время были Дзерасса в эпосе алано-осетин и Джестак у калашей. Во II–I вв. до н. э. у сарматов европейской Степи известны три варианта ее иконографического воплощения. На этом фоне иконография богини из Майеровского из-за смены этнополитического доминирования в регионе ее находки во многом уникальна, и она не имела продолжения.

Ключевые слова: богиня с двумя лошадьми, сарматы, II–I вв. до н. э., Майеровский III, варианты иконографии, поздние аналоги

Для цитирования: Яценко С.А. Сарматская богиня с двумя лошадьми // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 7. Ч. 2. С. 211–224. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-7-211-224

Sarmatian goddess with two horses

Sergey A. Yatsenko

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
sergey_yatsenko@mail.ru*

Abstract. The golden handle of the Early Sarmatian mirror from Mayevskii III east from Volga River has an image of a goddess and two horses. The details of iconography of this personage and accompanying animals, their analogues in the Scythian and Sarmatian times are analyzed. Functionally close

© Яценко С.А., 2022

to her are the Scythian Snake-footed Goddess and the Yuezhi goddess on the headdress in grave 3 of Tillya Tepe. The analogues of this personage in recent times were Dzerassa in the epic of the Alans-Ossetians and Jestak of Kalash people. In the 2nd – 1st cc. BCE the Sarmatians of the European Steppe had three variants of its iconographic embodiment. Against this background, the iconography of the goddess from Mayerovskii III due to the change of ethnopolitical dominance in the region of her find is in many ways unique and it had no continuation.

Keywords: goddess with two horses, Sarmatians, 2nd – 1st cc. BCE, Mayerovskii III, iconographic variants, late analogies

For citation: Yatsenko, S.A. (2022), “Sarmatian goddess with two horses”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory, Linguistics, Cultural Studies” Series*, no. 7, part 2, pp. 211–224, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-7-211-224

17 мая 2006 г. археолог Н.Б. Скворцов из Волгоградского педагогического университета передал в дар в Государственный исторический музей коллекцию из двух погребений в одной могильной яме (мужского и женского) из кургана 4 некрополя Майеровский III в Николаевском районе (Заволжье). Знатная женщина, здесь, видимо, сопровождалась убитым «вслед» воином-стражем [Скрипкин 2013, с. 103]. В женской могиле, датируемой концом II–I вв. до н. э., среди нескольких престижных золотых и серебряных изделий было обнаружено и весьма необычное по оформлению зеркало (рис. 1,1). К его бронзовому диску греко-римской работы крепилась деревянная ручка местного производства с обкладками из золотой фольги (на некоторых участках – в два слоя) с мифологической сценой.

Зеркало, насколько мне известно, до сих пор не публиковалось с детальными научными комментариями, хотя и вызвало интерес как археологов и искусствоведов, посещавших выставки ГИМ¹, так и журналистов. Между тем сюжет изображений на рукояти заслуживает внимания и, как мне кажется, выявляет интересные детали, связанные с религией и иконографией сарматских группировок (причем не только раннесарматского времени, но и двух последующих средне- и позднесарматской культур), а также отчасти – их алано-осетинских наследников. Уже вскоре после передачи в музей сотрудники ГИМ в устной форме высказывали мнение, что вверху

¹Железный век: Европа без границ: Первое тысячелетие до н. э. / Под ред. А.Ю. Алексеева, М. Наврота, А. Гасса, Ю.Ю. Пиотровского. СПб.: Читский лист, 2020. С. 457, кат. 185.6.



Рис. 1. Зеркало из Майеровского
и один из его стилистических аналогов:
1 – Майеровский III курган 4 (с фото автора);
2 – бляха упряжи из ст. Воронежской (Мордвинцева)

изображены человек в позе молитвы и две конские головы по сторонам его, а внизу – два обращенных друг к другу «дракона»². Работа выглядит весьма примитивной, по оригинальной стилистике и орнаментике напоминая близкие по времени фалары из станицы Воронежской в Среднем Прикубанье (курган 1950 г.) [Анфимов 1987, с. 208] (рис. 1,2), а по декору бордюров и ряда деталей (линия с косыми насечками, фигурками «^», диагональная сеточка) имеют немногие аналогии как в синхронных, так и позже – в среднесарматских памятниках; больше их известно на мелких изделиях с Кубани [Мордвинцева 2003, рис. 20, кат. 50, рис. 28, кат. 69; Мордвинцева, Трейстер 2007, рис. 47а, 49, 57; Яценко 2022, рис. 7, 5, 9, 2]. Но и сама сарматская рукоять, помимо основы, имеет по верхним углам небольшие закрепленные накладки, сделанные другим мастером, и в более реалистической манере изображающие головки лошадей (они закрывают собой первоначальный декор краев). Видимо, мастер не справился с требованиями заказчика и был вынужден вырезать эти детали из другого, более реалистического изображения. Такая ситуация встречается в Сарматии редко.

²См., например: *Трухачев В.* Загадка сарматских золотых зеркал // Pravda.ru. 18.05.2006. URL: <https://www.pravda.ru/culture/84808-sarmaty/> (дата обращения 29 июля 2022).

Обратимся вначале к *главному персонажу*. Его анатомия и разворот тела переданы крайне неумело. Голова круглая, на ней кружками и горизонтальной линией переданы глаза и рот (нос и уши изображать мастер не считал нужным). При этом на шее, видимо, передана двуххватковая гривна. Прическа довольно короткая, но плотная и могла удлиняться сзади. Туловище и нижняя часть одежды обозначены двумя большими треугольниками (как это сделали бы в эпоху энеолита на петроглифах Центральной Азии). Руки, видимо, согнуты в локтях и подняты в молитвенной позе (они выглядят как закругленные крючки, причем локти находятся ниже таза (!)). При положении тела анфас ступни ног показаны в профиль, чтобы лучше продемонстрировать туфли (в которые, видимо, заправлены неширокие штаны). В costume, помимо гривны, мастер выделил сложно завязанный пояс (?), глубокий вырез одежды на груди, отрезной подол платья с сетчатым узором ткани и нечто вроде оплечья-пелерины. Первая и последняя детали для изображений сарматского костюма уникальны. Рукава, вероятно, распущены для молитвы и много длиннее руки, причем это ложные рукава, не для продевания, так как они сильно сужаются к краям. Для столь примитивной манеры изображения деталей костюма здесь необычно много, что говорит об их статусной значимости для заказчика. Такие детали, как длина подола до щиколоток, вертикальный разрез ворота и рукава длиннее руки характерны у сарматов только для женского костюма [ср.: Яценко 2006, с. 142–144]. Итак, речь идет о *женском* персонаже. Сама богиня в своем облике не имеет фантастических черт. Фигура ее (в отличие от сопровождающих ее с боков и снизу животных) заключена в сплошную прямоугольную рамку; она напоминает специальный домик или шатер для ее статуи (как это мы видим, например, в языческих вышивках древних соседей сарматов – финских народов и восточных славян) [Фалеева 1973, с. 123, рис. 1; Сурво 2014, фото 113].

Сопровождающие богиню *две пары животных* также представляют интерес. *Драконы*, касающиеся пастями друг друга, явно имеют по два рога и маленькие (едва намеченные) заостренные уши; их пасти широко открыты навстречу, туловище сужается в центре. При этом у них нет ни хвоста, ни крыльев. Нижние лапы их трактованы в специфической манере, характерной для близких по времени серебряных блях упряжи из юэчжийской Бактрии с изображением свернувшегося в кольцо грифона³. Эти фигуры вписаны

³Смирнов Я.И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно

в крупный соляной крест. Образы такой пары геральдических драконов связаны с восточной частью Центральной Азии и, вероятно, стали результатом модификации с подобными драконами на золотых изделиях, разделенных Мировым древом (или его схематичной версией – трилистным побегом)⁴. Учитывая проникновение в европейскую Степь к концу II в. до н. э. целых групп восточных мигрантов, принесших инновации, связанные с Китаем, монгольскими сюнну, пост-тагарцами Хакассии и др.⁵ стоит вспомнить о том, что в китайской мифологии начиная с эпохи Хань лошадь образует весьма прочную связку с образом дракона-лун.

Две протомы неоседланных *лошадей* по сторонам ее (см. ниже) напоминают своеобразный *зооморфный трон*, как у более ранней скифской богини – Хозяйки зверей (нередко – *с поднятыми вверх в молитве руками*, иногда – *крылатой*) в торевтике 2-й половины IV в. до н. э. [Бессонова 1983, рис. 12, 16]. Верхние части тела лошадей, как уже отмечалось, двухсоставные. Сам мастер наметил лишь орнаментированные, очень длинные шеи и, видимо, очень примитивные головы (были затем закрыты от зрителя). На поздних накладных головах более выделены только три детали облика: длинное ухо, крупные глаз и ноздря; рот и грива не обозначены; нет и следов упряжи. Вряд ли с богиней изображены обычные кони (см. ниже). Сама богиня изображена *именно с лошадьми*; драконы вынесены в отдельный, нижний ярус, и имеют к ней же косвенное отношение.

Рассмотрим теперь другие образы сарматской богини, связанной с лошадьми (обычно – с парой и без упряжи). В сарматских общинах Крыма разных периодов мы встречаем один из иконографических вариантов этого божества на атрибутах, связанных как с мужской, так и с женской субкультурой. Особенностью всех изображений полуострова является наличие по сторонам от богини двух именно *крылатых* коней [Яценко 2015, с. 44, 46, рис. 5, 1–2, 8] (рис. 2)⁶. В росписи позднесарматского (середина II – середина

в пределах Российской империи. СПб.: Имп. Археологическая комиссия, 1909. Табл. 124, рис. 56. См. также [Тревер 1940].

⁴Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Табл. II, 2, 8; IX, 6–8. (Свод археологических источников. Вып. ДЗ-9)

⁵Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия: Проблемы хронологии, периодизации и этнополитической истории: Доклад в качестве дис. ... д-ра ист. наук. 1992.

⁶Позже в алано-осетинской мифологии крылатые кони «авсург» из небесного табуна бога Уастырджи используются божествами, а иногда их ловит умерший на небесном лугу Курьс. Речь идет о «крылатых конях,

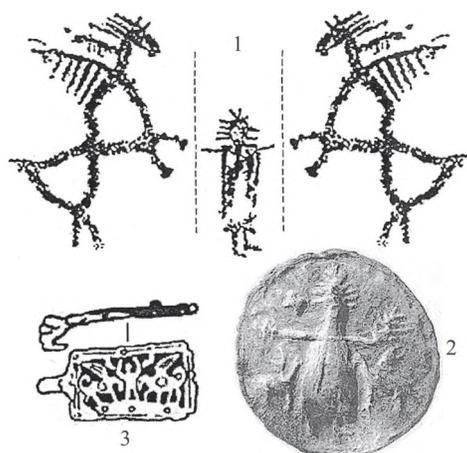


Рис. 2. Богиня с двумя крылатыми конями
на крымских изображениях I в. до н. э. – III в. н. э.:
1 – Неаполь Скифский, склеп 1;
2 – Чистенькое; 3 – Илурат [Яценко 2015]

III в.) скального склепа 1 в позднейшем Неаполе Скифском (уже переставшем быть городом и заселенном сарматами) у богини подчеркнута длинное и довольно широкое платье, голову окружает сияние, а руки широко расставлены в сторону поднявшихся на дыбы «пегасов» (рис. 2,1). На синхронном штампе для ритуальных лепешек из сарматизованного боспорского Илурата [Шауб 2007, с. 116–117, рис. 25] (рис. 2,2) видим те же сияние вокруг головы богини⁷, длинное платье и простертые горизонтально в стороны руки. Однако здесь кони много ниже ее ростом и спокойно стоят, а в руках она держит прорастающие побеги (или ее кисти стано-

которые летают между небом и землей», «крылатых жеребцах» [Дзицойты 2017, с. 141, 159]. Уже в 126 г. до н. э. первый китайский посланец на запад Чжан Цянь познакомился в Ферганской долине с самой дорогой в Центральной Азии породой лошадей – «небесными конями, потеющими кровью»; они, якобы, могли поднимать хозяина на небо и помогали ему достичь бессмертия. По более поздним местным легендам, у таких лошадей крылья отрастают по ночам, и они могут облететь с хозяином весь мир.

⁷Это сияние – частный случай сияния всего тела многих женских персонажей божественного происхождения в алано-осетинском эпосе. Оно имеет общеиранские корни [ср.: Дзицойты 2017, с. 7–72].

вятся таковыми). Эта разница в иконографии объясняется, я думаю, *разными по характеру ритуалами*, которые отражают данные сцены. В первом случае это *погребальный склеп* с плохо сохранившимися росписями (и здесь присутствуют две пары Змееногих богинь, связанных с нижним миром, и многие другие интересные детали [Яценко 2015, с. 41–44], а во втором – это явная символика *плодородия*. Одним из прототипов этой сцены я теперь могу считать изображение на железной мужской пряжке из кургана у с. Чистенькое, датированной еще концом II–I вв. до н. э., когда сарматы только появились в Крыму среди преобладавших потомков скифов (рис. 2, 3). Первоначально я полагал, что это мужской персонаж, так как меня смущала его короткая одежда (довольно обычная, однако, и у женщин-кочевниц). У стоящей фигуры мы видим стилизованные крылья (как у скифской Хозяйки зверей), поднятые в молитве вверх руки (как у тех же скифов и на нашем зеркале из Майеровского); его окружают два крылатых коня (как у других крымских изображений более чем три века спустя). Однако эти крылатые кони имеют две оригинальные черты в своем облике: у них спирально закрученный хвост, как у собак, и они преклоняют перед богиней правое колено. Собственно, подобная иконография в иранском и иранизованном мире для *мужских* «Хозяев зверей» неизвестна, и вопрос можно считать вполне решенным⁸.

В контактной зоне с культурой эллинов связь богини с конями иногда передана у сарматов в другом ключе. Богиня с рубежа II–I вв. до н. э. (т. е. синхронно изображению на зеркале) подчас представлена в полуварварских комплексах на территории Боспорского царства в греческом духе – в драпированном покрывале замужней дамы, сидящей на троне особой формы и держащей в руке

⁸В той же позднесарматской культуре у хозяина кургана 6 1983 г. в Ростове-на-Дону два крылатых коня окружают уже голову мужского божества с усами и с ушами копытного; они изображены с поджатыми ногами в древней «жертвенной» позе [Яценко 2015, рис. 5, 3]. Мужской персонаж, держащий за повод двух стоящих по бокам его коней (Хозяин коней), известен в петроглифах Оглахты «скифоидной» тагарской культуры среднего Енисея [Шер 1980, рис. 120]. Интересно, что в обоих случаях в облике мужского божества важную роль играет головной убор. «Поздние сарматы» низовьев Дона и искусство более ранних обитателей верхнего Енисея связаны здесь, возможно, неслучайно. По наблюдениям антрополога М.А. Балабановой, предками «поздних сарматов» были пост-тагарские «тесинские» племена тех же районов Хакасии [Балабанова 2012, с. 87–88]. О мужском «Хозяине зверей» у скифов и меотов см. [Шауб, Яценко 2022]. Его облик и спутники были совсем иными.

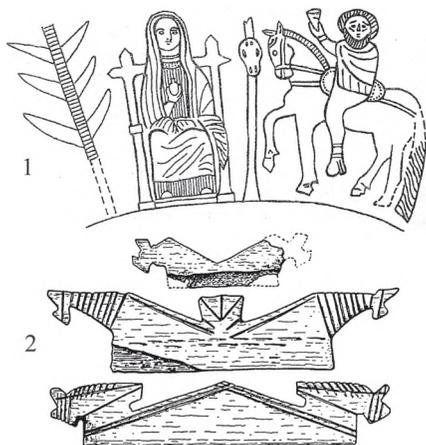


Рис. 3. Кони как атрибут богини:

1 – Мержаны [Яценко 2000]; 2 – раннесарматские костяные гребни (Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры...)

небольшой сосуд; справа к ней подъезжает всадник. На ритоне в кургане у с. Мержаны [Яценко 2000, с. 355–256, рис. 1,2] (рис. 3,1) эта сцена насыщена важными дополнительными деталями: богиня сидит перед Мировым деревом, между ней и приближающимся всадником вбит в землю кол с черепом все того же коня. При этом живой конь почти упирается лбом в коня мертвого. В более позднем (начала I в. н. э.) погребальном «склепе Анфестерия» в Пантикапее / Керчи представлена сложная многофигурная сцена, но ее ядром является все та же богиня на троне, а всадник ведет за собой *двух коней*. На другом участке стены склепа два неоседланных коня стоят у Мирового дерева. В текстах алано-осетинского нартовского эпоса есть упоминания о такой богине в кресле, которая встречает героя (Сослана), попавшего в мир мертвых [Яценко 1995, с. 189–191]. У ряда групп древних иранцев конь (в том числе – волшебный конь-олень), видимо, ассоциировался с Мировым деревом и культом богини-матери [Кузьмина 1977, с. 104 и сл.].

Учитывая центральноазиатские прародины немалой части сарматских групп II–I вв. до н. э., обратим внимание и на более древние изображения, связанные с проникшими тогда же в Бактрию большими юэчжами. В знаменитом их княжеском могильнике Тилля-тепе середины I в. н. э. у главной по статусу жены из могилы 3 (здесь 6 погребений молодых женщин кольцом окружали

могилу своего умершего мужа, одно из них затем ограблено афганскими солдатами) на головном уборе мы видим взаимодополняющие золотые подвески. На верхнему краю убора, видимо, нашиты 4 медальона с погрудным изображением уже знакомой нам простоволосой богини анфас с шейной гривной и подчеркнутым вертикальным разрезом платья; по сторонам крепилась височные подвески с парой геральдических лошадиных протом и стилизованная коновязь (?) между ними [Sarianidi 1985, p. 91, Cat. 3.15, p. 93, Cat. 3.50; Яценко 2006, 175, рис. 118]. Как и богиня в Илурате, этот персонаж ассоциировался и с растительностью (в частности, к ее изображению подвешены стилизованные листья винограда).

Нет ли примеров *недавнего бытования* у нынешних индоиранских и иранских народов культа богини, тесно связанной с лошадью и Мировым деревом? Да, такие представления продолжали существовать еще в начале XX в. Так, у калашей Гиндукуша богиня плодородия *Джестак* символизировалась как с Мировым деревом, так и с доской с двумя головами лошадей, а сама она нередко обращивалась лошадью [Йеттмер 1986, с. 369]. В алано-осетинской традиции в нартовском эпосе мы знаем водную богиню *Дзерассу*, прародительницу народа нартов (аланов), тесно связанную также с загробным миром (имена Дзерассы и Джестак неслучайно созвучны, имея, видимо, общий древний прототип). Именно она рождает в погребальном склепе первого на земле коня Чесана⁹ (Уаддыма/Арфана/Дур-Дура)¹⁰. Похоже, именно эта богиня пережиточно изображалась иногда с двумя конями на осетинской традиционной вышивке [Андиев, Андиева 1960, с. 102, рис. 3].

Интересен в нашем контексте и ряд изображений *геральдической пары лошадей*, которые, вероятно, также связаны, возможно, с поклонением этой богине [Яценко 2015, примеч. 104]. О паре неседланных лошадей у Мирового дерева в «склепе Анфестерия» уже говорилось. Изоморфом Мирового дерева в подобных случаях, как принято считать, служит коновязь как осевая точка отсчета. Пара лошадей, привязанных к коновязи, неоднократно изображены

⁹ Нарты: Осетинский героический эпос. Кн. 2 // Отв. ред. У.Б. Далгат. М.: Наука, 1989. С. 11, 19, 24.

¹⁰ Аналогом этой аланской богини (не иконографическим, конечно, а функциональным и сюжетным) во многом является более древняя скифская Змееногая богиня (также – водное божество, также частично обитает под землей, является прародительницей скифов, ее основное упоминание связано с лошадьми и т. п.). Сюжет воскрешения умершей в склепе и порождения ею новой жизни известен и в традиции европейского рыцарства как вероятный аланский субстрат [Рахно 2021].

в петроглифах еще поздней бронзы на горе Тепсей на среднем Енисее [Шер 1980, рис. 72, 124]. У сарматов эта схема в раннее время, похоже, усеченно представлена на некоторых женских костяных гробнях (рис. 3,2, средний).

На этих гробнях пару протом геральдических лошадей видим неоднократно¹¹. В позднесарматское время она воплощена в бывшем Неаполе Скифском на восточной стене скального склепа 9 [Яценко 2022, с. 213–214, рис. 3]. Ниши в этой стене, видимо, схематично воспроизводят облик неких культовых построек. Коньки их крыш венчаются парой голов лошадей, обращенных то друг к другу, то в противоположные стороны. Замечу, что у индоиранских калашей Гиндукуша еще недавно все культовые постройки-dur, размещенные под открытым небом, венчались доской с двумя головами лошадей [Йеттмар 1986, с. 381], в отличие от бытовых. Показательна композиция в виде пары симметрично размещенных лошадей в составе почитаемого объекта – серии клановых сарматских тамг II–III вв. н. э. на каменной плите бывшего греческого надгробия из Керчи [Соломоник 1959, с. 99, № 44].

Итак, богиня, связанная с лошадьми, на зеркале из Майеровского (рис. 1,1) относится к самым ранним образцам иконографии такого персонажа, наряду с пряжкой из Чистенького (рис. 2,3) и, возможно, на ритоне из Мерджан (рис. 3,1). На двух из трех этих изображений тогдашней Сарматии мы видим ее стоящей анфас и молящейся неким другим божествам с воздетыми вверх руками (это могло соответствовать устным, фольклорным ее описаниям). И все три предмета сделаны из дешевых материалов с покрытием более дорогим (золотом по дереву у первого, бронзой по железу у второго и золотом по кости (?) у третьего). Они принадлежат предметам разного назначения, используемым взрослыми мужчинами и женщинами, связанными с костюмом, косметическими процедурами или ритуальной посудой. В целом эти ранние варианты иконографии богини заметно отличаются. Если изделие из Чистенького еще в какой-то мере связано с поздним скифским окружением (крылья у Хозяйки зверей и ее воздетые вверх руки) и является одной из отправных точек более позднего тиражирования в Крыму изображений этого персонажа с крылатыми конями, то мастер, создававший ручку зеркала из Майеровского, шел иным путем. В отличие от крымской пряжки, здесь облик богини максимально детализирован (в первом случае внимание уделено преж-

¹¹ *Мошкова М.Г.* Памятники прохоровской культуры М.: Изд-во АН СССР, 1963. Табл. 26, 14–17. (Свод археологических источников. Вып. Д1–10)

де всего фигурам стоящих по сторонам крылатых коней). Этот предмет, найденный к востоку от Волги, демонстрирует влияние центральноазиатских образцов (пара геральдических драконов в «свите» богини и греко-бактрийское оформление нижних лап последних). Ритон из Мерджан отражает ситуацию инфильтрации отдельных групп сарматов на территорию Азиатского Боспора и, соответственно, влияние на них греческой иконографии (матрона, сидящая на особом троне, развернутые сцены с несколькими антропоморфными персонажами, Древом и др.). Если вторая и третья версия иконографии получили свое продолжение 2–3 столетия спустя, отчасти благодаря их бытованию на территории Боспорского царства, то иконография майеровской богини развития на имела (что неудивительно в условиях частой смены этнического доминирования в Заволжье при появлении здесь создателей средне- и позднесарматской культур).

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Эстетика памяти в культуре» (конкурс «Проектные научные коллективы РГГУ»).

Acknowledgements

The publication was carried out within the framework of the RSUH project “Aesthetics of Memory in Culture” (competition “Project research teams of RSUH”).

Литература

- Андиев, Андиева 1960 – *Андиев Б.Ф., Андиева Р.Ф.* Осетинский орнамент. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1960. 264 с.
- Анфимов 1987 – *Анфимов Н.В.* Древнее золото Кубани. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1987. 232 с.
- Балабанова 2012 – *Балабанова М.А.* О центральноазиатских связях в антропологии населения позднесарматского времени Восточной Европы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 3. С. 82–91.
- Бессонова 1983 – *Бессонова С.С.* Религиозные представления скифов. Киев: Наукова думка, 1983. 140 с.
- Дзищойты 2017 – *Дзищойты Ю.А.* Вопросы осетинской филологии. Т. 1. Цхинвал: Республика, 2017. 464 с.

- Йеттмар 1986 – *Йеттмар К.* Религии Гиндукуша. М.: Наука, 1986. 324 с.
- Кузьмина 1977 – *Кузьмина Е.Е.* Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы / Отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1977. С. 96–119.
- Мордвинцева 2003 – *Мордвинцева В.И.* Полихромный звериный стиль. Симферополь: Универсум, 2003. 216 с.
- Мордвинцева, Трейстер 2007 – *Мордвинцева В., Трейстер М.* Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье II в. до н. э. – II в. н. э. Т. 3. Симферополь, Бонн: Тарпан, 2007. 205 с.
- Рахно 2021 – *Рахно К.Ю.* Дзерасса – богиня тамплиеров // KAVKAZ – FORUM. Вып. 5 (12). С. 56–78.
- Скрипкин 2013 – *Скрипкин А.С.* Археологическое наследие Волгоградской области. Волгоград: Издатель, 2013. 288 с.
- Соломоник 1950 – *Соломоник Э.И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев: Изд-во АН УССР, 1959. 180 с.
- Сурво 2014 – *Сурво В.* Образцы вышивки и обрядовая семантика текстиля в традициях Карелии. Хельсинки: Unigrafia, 2014. 238 с.
- Тревер 1940 – *Тревер К.В.* Памятники греко-бактрийского искусства. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 180 с.
- Фалеева 1973 – *Фалеева В.А.* Женский персонаж в русской народной вышивке // Фольклор и этнография Русского Севера / Отв. ред. Б.Н. Путилов, К.В. Чистов. Л.: Наука, 1973. С. 119–132.
- Шер 1980 – *Шер Я.А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.
- Шауб 2007 – *Шауб И.Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.). СПб.: СПбГУ, 2007. 484 с.
- Шауб, Яценко 2022 – *Шауб И.Ю., Яценко С.А.* Меотский псалий с уникальным изображением // Новый Гермес. 2022. Т. 14. № 1. С. 4–19.
- Яценко 1995 – *Яценко С.А.* О сармато-аланском сюжете росписи в пантикапейском «склепе Анфестерия» // Вестник древней истории. 1995. № 3. С. 188–194.
- Яценко 2000 – *Яценко С.А.* Антропоморфные образы в искусстве ираноязычных народов Сарматии II–I вв. до н. э. // Stratum plus. 2000. № 4. С. 251–272.
- Яценко 2006 – *Яценко С.А.* Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.: Восточная литература, 2006. 664 с.
- Яценко 2015 – *Яценко С.А.* Региональные особенности сюжетов и бытовых реалий в монументальных поминально-погребальных памятниках Малой Скифии I–III вв. н. э. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. 6 / Под ред. М.М. Чорефа. Севастополь, Тюмень: Тюменский гос. ун-т, 2014. С. 40–63.
- Яценко 2022 – *Яценко С.А.* О сарматской орнаментике // Из истории культуры народов Северного Кавказа / Отв. ред. Ю.А. Прокопенко. Вып. 15. Ставрополь: Печатный двор, 2022. С. 211–226.
- Sarianidi 1985 – *Sarianidi V.* Bactrian gold from the excavations of the Tillya-Tepe Necropolis in Northern Afghanistan. L.: Aurora, 1985. 260 p.

References

- Andiev, B.F. and Andieva, R.F. (1960), *Osetinskii ornament* [Ossetian ornaments], Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, Ordzhonikidze, USSR.
- Anfimov, N.V. (1987), *Drevnee zoloto Kubani* [The ancient gold of Kuban], Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo, Krasnodar, USSR.
- Balabanova, M.A. (2012), "On the Central Asian relations in the anthropology of the population of the Late Sarmatian time of Eastern Europe", *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, no. 3, pp. 82–91.
- Bessonova, S.S. (1983), *Religioznye predstavleniya skifov* [Religious beliefs of the Scythians], Naukova dumka, Kiev, USSR.
- Dzitsoity, Yu.A. (2017), *Voprosy osetinskoj mifologii* [Problems of Ossetian philology], vol. 1, Respublika, Tskhinval, South Ossetia.
- Faleeva, V.A. (1973), "The female personage in Russian folk embroidery", in Putilov, B.N. and Chistov, K.V. (eds.), *Fol'klor i etnografiya Russkogo Severa* [Folklore and ethnology of the Russian North], Nauka, Leningrad, USSR, pp. 119–132.
- Jettmar, K. (1986), *Religii Gindukusha* [The religions of Hindukush], Nauka, Moscow, USSR.
- Kuzmina, E.E. (1977), "Horse in the religion and art of Sakas and Scythians", in Terenozhkin, A.I. (ed.) *Skify i sarmaty* [Scythians and Sarmatians], Naukova dumka, Kiev, USSR, pp. 96–119.
- Mordvintseva, V.I. (2003), *Polikhromnyi zverinyi stil'* [The polycrome animal style], Universum, Simferopol, Russia.
- Mordvintseva, V. and Treister, M. (2007), *Proizvedeniya toreutiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e II v. do n. e. – II v. n. e.* [Toreutic and jewelry wares in the Northern Black Sea coast in the 2nd c. BCE – 2nd c. CE], vol. 3, Tarpan, Simferopol, Russia, Bonn, Germany.
- Rakhno, K.Yu. (2021), "Drerassa – the Goddess of Templars", *KAVKAZ – FORUM*, vol. 12, issue 5, pp. 56–78.
- Sarianidi, V. (1985), *Bacrian gold from the excavations of the Tillya-Tepe Necropolis in Northern Afghanistan*, Aurora, Leningrad, USSR.
- Schaub, I.Yu. (2007), *Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomor'e (VII–IV vv. do n. e.)* [Myth, cult and ritual in the North Black Sea coast (the 7th – 4th cc. BCE)], SPbGU, Saint Petersburg, Russia.
- Schaub, I.Yu. and Yatsenko, S.A. (2022), "Maeotian Gnawed with the unique image", *Novyi Hermes. Vestnik klassicheskoi filologii i arheologii*, vol. 14, no. 1, pp. 4–19.
- Sher, Ya.A. (1980), *Petroglify Srednei i Tsentral'noi Azii* [Petroglyphs of Transoxiana and the Central Asia], Nauka, Moscow, USSR.
- Skripkin, A.S. (2013), *Arkhelogicheskoe nasledie Volgogradskoi oblasti* [The archaeological heritage of Volgograd region], Izdatel, Volgograd, Russia.
- Solomonik, E.I. (1950), *Sarmatskie znaki Severnogo Prichernomor'ya* [Sarmatian signs of the Northern Black Sea coast], Naukova dumka, Kiev, USSR.

- Survo, V. (2014), *Obraztsy vysshyyoki i obryadovaya semantika tekstilya v traditsiyakh Karelii* [Embroidery patterns and ritual semantics of textiles in the traditions of Karelia], Unigrafia, Helsinki, Finland.
- Trever, K.V. (1940), *Pamayatniki greko-baktriiskogo iskusstva* [Monuments of the Greek-Bactrian art], Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, Moscow, Leningrad, USSR.
- Yatsenko, S.A. (1995), "On the Sarmatian-Alaninian subject of painting in the 'Crypt of Antheserios' in Panticapaeum", *Vestnik drevnei istorii*, no. 3, pp. 188–194.
- Yatsenko, S.A. (2000), "Anthropomorphic images in the art of Iranian-speaking peoples of Sarmatia in the 2nd – 1st cc. BCE", *Stratum plus*, no. 4, pp. 251–272.
- Yatsenko, S.A. (2006), *Kostyum drevnei Evrazii (iranoyazychnye narody)* [Costume of the Ancient Eurasia (the Iranian-speaking peoples)], Vostochnaya literatura, Moscow, Russia.
- Yatsenko, S.A. (2015), "Regional feathers and subjects and everyday life attributes in the monumental funeral and memorial artifacts of Scythia Minor in the 1st – 3rd cc. CE", in Choref, M.M. (ed.), *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [Materials on archaeology and history of the Ancient and Medieval Crimea], vol. 6, Tyumenskii gosudarstvennyi universitet, Sevastopol', Tyumen', pp. 40–63.
- Yatsenko, S.A. (2022), "On Sarmatian ornaments", in Prokopenko, Yu.A. (ed.) *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza* [From the cultural history of the peoples of Northern Caucasus], vol. 15, Pechatnyi dvor, Stavropol', Russia, pp. 211–226.

Информация об авторе

Сергей А. Яценко, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; sergey_yatsenko@mail.ru

Information about the author

Sergey A. Yatsenko, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; sergey_yatsenko@mail.ru